

ДИСКУССИИ О «СОВРЕМЕННОЙ АРХИТЕКТУРЕ» НА СТРАНИЦАХ ЖУРНАЛА «АРХИТЕКТУРА И СТРОИТЕЛЬСТВО УЗБЕКИСТАНА»: ЭВОЛЮЦИЯ ТРАКТОВОК И ИНТЕРПРЕТАЦИЙ

Поляков Григорий Максимович,

аспирант кафедры истории искусств и музееведения,
научный руководитель: кандидат искусствоведения, доцент В.В. Деменова,
Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина,
Россия, Екатеринбург,
e-mail: g.m.poliakov@urfu.ru

УДК: 72.036

Шифр научной специальности: 5.10.3

DOI: 10.47055/19904126_2025_2(90)_8

Аннотация

Статья посвящена эволюции представлений о «современной архитектуре» советского Узбекистана на страницах теоретического и научно-практического журнала «Архитектура и строительство Узбекистана» (1955–1992). Анализ рассматриваемой проблематики охватывает три десятилетия начиная с 1960-х гг. и заканчивая закатом советской эпохи в 1980-е гг. В статье предлагаются к обсуждению ключевые этапы трансформации представлений о «современной архитектуре», проиллюстрированные публикациями значимых для советского Узбекистана архитекторов и архитектуроведов. Рассматриваются характерные для каждого периода черты архитектурно-художественной практики, включая интерпретацию узбекистанскими проектировщиками общесоветских установок, изучение архитектурного проекта стран Глобального Юга и формирование собственных архитектурных течений.

Ключевые слова:

архитектурный журнал, архитектура советского Узбекистана, архитектура позднего СССР, «национальное» в архитектуре

DISCUSSIONS ABOUT MODERN ARCHITECTURE IN THE «ARCHITECTURE AND CONSTRUCTION OF UZBEKISTAN» MAGAZINE: THE EVOLUTION OF TREATMENTS AND INTERPRETATIONS

Polyakov Grigory M.,

Doctoral student, Department of History of Art and Museum Studies,
Research supervisor: Associate Professor V.V. Demenova, PhD (Art Studies),
Ural Federal University,
Russia, Yekaterinburg,
e-mail: g.m.poliakov@urfu.ru

УДК: 72.036

Шифр научной специальности: 5.10.3

DOI: 10.47055/19904126_2025_2(90)_8

Abstract

The article discusses the evolution of interpretations of «modern architecture» in Uzbekistan of the Soviet period in the journal “Architecture and Construction of Uzbekistan” (1955-1992) over three decades from the 1960s to the end of the Soviet era in the 1980s. Key stages in the transformation of ideas concerning «modern architecture» are illustrated by publications of significant architects and researchers from Soviet Uzbekistan. Consideration is given to the characteristics of architectural practice in each period, including interpretations of common Soviet policies by Uzbek architects, architectural projects from the countries of the Global South, and Uzbek architectural trends.

Keywords:

architectural magazine, architecture of Soviet Uzbekistan, architecture of the late USSR, «national» in architecture

Изучение периодических изданий остается значимым источником исследований архитектуры и строительства СССР, обладавшего своими информационными ресурсами – журналами, газетами, альманахами и т. п. Их подготовкой занимались различные проектные организации, государственные и ведомственные учреждения при поддержке творческих и профессиональных союзов. Наиболее авторитетным изданием в представленной сфере был журнал «Архитектура СССР», выпускаемый в Москве с 1933 по 1992 гг. Однако, несмотря на всеобъемлющий характер данного всесоюзного издания, в Украинской и Узбекской ССР возникают собственные версии теоретических и научно-практических журналов, появление которых позволяет утверждать о существовании там выстроенной архитектурно-художественной, институциональной, образовательной и научно-исследовательской систем, участники которых остро нуждались в площадке для обсуждения проблем развития региональной архитектуры и градостроительства. Для советской Центральной Азии, безусловно, таковой площадкой являлся журнал «Архитектура и строительство Узбекистана»¹, существовавший с 1955 по 1992 гг.

Выпуском данного периодического издания и его непосредственным курированием занимался союз государственных учреждений Узбекской ССР, состоящий из Министерства строительства УзССР, Госстроя УзССР, Союза архитекторов Узбекистана, Министерства промышленности строительных материалов УзССР, Министерства сельского строительства УзССР, Министерства монтажных и специальных строительных работ УзССР, Главташкентстроя, Узколхозстроя и Республиканского правления НТОстройиндустрий. Таким образом, созданный в 1955 г. журнал «Информационная бюллетень Государственного комитета Совета Министров Узбекской ССР по делам строительства и архитектуры» непосредственно представлял интересы различных ведомств советского Узбекистана, связанных с архитектурно-строительной практикой. Данное сотрудничество определило факт существования в журнале различных по своей тематике рубрик: от «Вопросов производства» и «Экономики строительства» до «Архитектуры и градостроительства», а также «Истории архитектуры и охраны памятников культуры» и т. д. В таком формате журнал смог просуществовать вплоть до конца советской эпохи.

На протяжении всей истории своего существования «журнал предоставлял свои страницы многим узбекским зодчим. Они выступали с анализом текущей практики, с творческими отчетами. Все эти материалы знакомили читателей с творческой лабораторией архитекторов», – отмечает Т.Ф. Кадырова, председатель правления Союза архитекторов Узбекистана [1, с. 1]. Благодаря изучению данных публикаций, подготовленных узбекистанскими проектировщиками, критиками и архитектуроведами, сегодня можно проследить эволюцию взглядов на ключевые проблемы архитектурно-строительной сферы советского Узбекистана.

Одним из значимых для издания дискурсов всегда оставалось стремление определить, в каком русле должна развиваться архитектурная практика Узбекской ССР. «В чем сущность новой архитектуры?» [2, с. 29], – задавались вопросом авторы статей, призывая друг друга к обсуждению и уточнению границ, специфики трактовки того, какой должна быть «современная архитектура» советского Узбекистана. И на такой «призыв» откликались на протяжении всего существования журнала как непосредственно сами архитекторы из различных проектных организаций (УзНИИПградостроительства, ТашЗНИИЭП, Ташгирогор, Узгоспроект, Узгипросельстрой и др.), так и исследователи архитектуры (Институт искусствознания им. Хамзы, ТашПИ, СамГАСИ). Временами к обсуждению вопроса присоединялись исследователи из «центра» советского государства (МАРХИ, ЦНИИТИА/ВНИИТАГ и др.).

Именно дискурс, продуцируемый обсуждением на страницах журнала «Архитектура и строительство Узбекистана» различных подходов конструирования «современной архитектуры», и станет ключевым в рамках представленного исследования. Особое внимание будет уделено тому, как интерпретация элементов рассматриваемой проблематики видоизменялась на протяжении 2-й половины XX в. Ее изучение позволит зафиксировать развитие архитектурной мысли в советском Узбекистане и уточнить сформированные в данной республике архитектурно-художественные течения.

Концептуально повествование об исследуемом нами феномене можно разделить на три периода: 1960-е гг., 1970-е гг., 1980-е гг. Установка данных временных рамок, в первую очередь, обусловлена поэтапным изменением государственной политики в области строительства и архитектуры, включающим в себя трансформацию отношения к проектированию «типового/уникального», сохранению культурного наследия, интегрированности проектной мысли в мировые архитектурные процессы и т. д.

Обсуждение проблематики конструирования «современной архитектуры» в советском Узбекистане заслуживает на страницах журнала с 1960-х гг. все большего внимания со стороны критиков и архитекторов. Необходимость обсуждения данного феномена во многом была связана с процессом восстановления Ташкента после землетрясения 1966 г., в программе которого под влиянием руководства Узбекской ССР² была обозначена идеологическая необходимость конструирования из Ташкента столицы «социалистического Востока» и создания «лаборатории современной архитектуры» [3, с. 18]. Ключевым подходом данной «лаборатории» стало сочетание актуальных архитектурных приемов и элементов исторического – «национального» – зодчества с акцентом на выявление в нем проектных решений, доступных для унификации «без “декораций” в увязке с современными требованиями, конструкциями и материалами» [4, с. 1] для нужд типового строительства. Развитие «современной архитектуры» в Узбекистане, по мнению архитекторов рассматриваемого периода, в первую очередь должно было проходить «через освоение архитектурного наследия» [5, с. 18].

Регулярное декламирование синергии «традиции» и «новации» уже в конце 1960-х гг. вызывает необходимость осмысления профессиональным сообществом и определения тех конструктивных и композиционных решений, которые могли бы быть унифицированы и взяты на вооружение узбекистанскими архитекторами для успешного копирования в проектах «современных» сооружений по всей республике. Среди ключевых элементов «традиционного зодчества» Узбекистана И.А. Мерпортом были определены: разработка «архитектурно-планировочных приемов и технических средств по учету особенностей резко континентального климата и борьбы с перегревом» – солнцезащиты, «использование приемов контраста, на которых строились композиции и силуэты древних городов – Самарканда, Бухары, Хивы» – монументальность и масштабность архитектурных решений, использование цвета «как средства усиления восприятия архитектурного произведения» и обращение к декоративному – «синтезу пластики

и цвета» в интерьерах [5]. Необходимо отметить, что обозначенные черты были определены достаточно формально и во многом носили абстрактный характер, например, когда речь шла о «приемах контраста» и т. п. Именно по этой причине попытки проектировщиков сформировать слаженную систему и закрепить ее постулаты в качестве ключевых ориентиров для архитектурно-художественной практики Узбекистана не увенчались успехом. «Прогрессивные традиционные формы» [6, с. 25], таким образом, не органично дополняли «современную архитектуру», а лишь оставались всегда «привязанными» к проектным решениями. К таковым в качестве примера можно отнести модернистский проект гостиницы «Узбекистан» (рис. 1), проект которой был впервые представлен в журнале в 1967 г. [7]. Наиболее ярким элементом ее архитектурного образа является заполнившая всю плоскость центрального фасада крупно артикулированная солнцезащитная решетка-панджара. «Навязанность» подобного рода «национального колорита» становится ясной после анализа композиционного решения гостиницы, центральный объем которой представлен в форме полураскрытой призмы, схожего, например, со зданием СЭВ в Москве. Впоследствии, несмотря на «техничность» обозначенных решений, данный подход будет подвергнут критике из-за излишней эстетизации архитектуры.

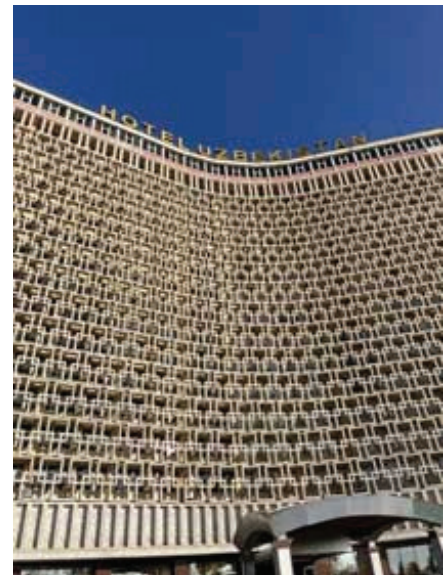

Рис. 1. Гостиница «Узбекистан». Арх. И. Мерпорт, В. Рощупкин, Л. Ершова, 1974. Ташкент, Узбекистан. Фото из личного архива автора исследования

Через внимание к взаимодействию «современного» и «национального» в архитектуре Узбекской ССР исследователи выстраивают идеологическую связь с активно формирующейся в 1950–1960-е гг. архитектурной практикой стран Глобального Юга, представленной в разделе журнала «Строительство и архитектура за рубежом». Схожесть избранного пути демонстрируется на конкретных архитектурных примерах. Так, при рассмотрении здания школы-колледжа «Набариан» в Каире архитектор А. Азимов определяет актуальные тенденции развития архитектуры «южных стран», сформированных «как на консервативных приемах, ... стилевых образцах прошлого – в большинстве случаев принципах классической арабской архитектуры, так и на современных приемах европейской архитектуры» [8, с. 50]. Подобные сочетания «традиции и новации» А. Азимов также отмечает при анализе проекта Каирского радио- и телецентра, обращая внимание на «взаимопереплетение» традиции арабской архитектуры «прошлых веков» с современными архитектурными решениями [9, с. 42]. Данные обсуждения на страницах журнала указывают на формирование в узбекистанской архитектурной практике, по мнению В.Л. Ворониной, «несомненного интереса» по отношению к достижениям строительства стран «Юга» [10, с. 31], определяя их собственные

амбиции по интеграции в данные мировые процессы. Важно отметить, что данный раздел журнала практически перестал существовать в начале 1970-х гг., в том числе из-за возможных ассоциаций с религиозной архитектурой, и был возрожден уже под конец перестройки.

«Новое строительство» Узбекистана 1960-х гг. формировало особое отношение к исторической архитектуре средневековых городов республики. Сохраняя безусловный пиетет перед архитектурными образами прошлого, узбекистанские проектировщики достаточно оптимистично представляли возможность изменения градостроительной структуры исторической застройки городов путем ее преобразования силами «современной архитектуры». Избавление от «ветхого» и замена его стилизованными под историческую застройку новыми строениями рассматривалось в качестве возможного варианта «обновления» архитектурного облика «современных» городов Узбекистана. Так, А.Б. Бабаханова³, комментируя дипломный проект, автор которого получил вторую премию на Всесоюзном смотре дипломных работ за 1968 г., подерживает достаточно серьезный пересмотр застройки вокруг Регистана в Самарканде за счет создания на достаточно небольшом расстоянии масштабного здания «Музея истории искусств в Самарканде» (рис. 2), «поглощающего здание древнего торгового купола Чарсу, который предполагается использовать как помещение для продажи сувениров» [6, с. 24]. Подобный подход к «приспособлению» [11, с. 33] функциональной составляющей исторической архитектуры и вовсе станет популярным композиционным решением вплоть до конца советской эпохи. Важно отметить, что уже в этот период в журнале появляются первые контраргументы относительно подобного влияния «современной архитектуры» на историческую застройку городов Узбекистана. «При включении памятников в современную среду должны быть либо полная подчиненность нового старому с учетом его масштабного звучания, либо контрастное решение нового с современными масштабами, но с созданием заповедной зоны...» [12, с. 21], – отмечают узбекистанские проектировщики О.А. Рушковский и Л.Т. Адамов⁴.

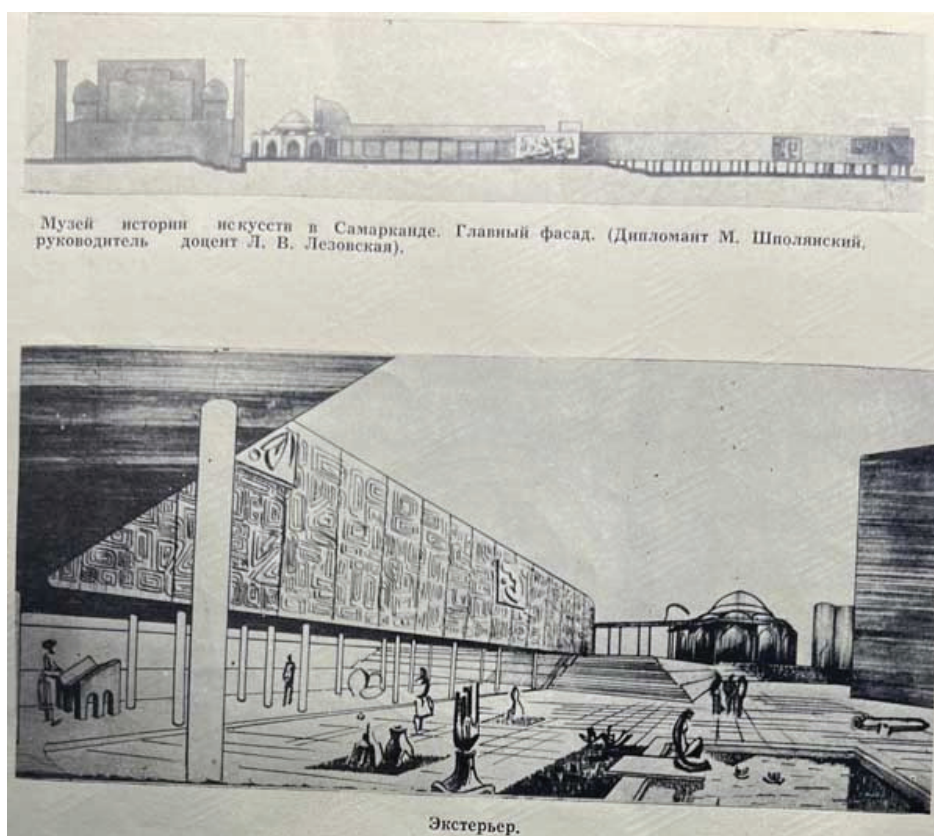

Рис. 2. Музей истории искусств в Самарканде. Проект. Автор проекта М. Шполянский, руководитель доц. Л.В. Лезовская. Источник: «Строительство и архитектура Узбекистана». – 1968. – № 6 (РГБ)

Изменения государственной культурной политики СССР в 1-й половине 1970-х гг., происходившие вместе с формулированием принципов «средового подхода» в архитектурно-градостроительной практике СССР как реакции интеллектуальных сообществ на «безликость и однообразие унифицированных форм архитектурного пространства» [13, с. 60], повлияли на актуализацию архитектурного наследия в СССР, что, в свою очередь, безусловно, откликнулось узбекистанским проектировщикам. В архитектурном дискурсе Узбекистана данная тенденция сначала проявилась в предельном выявлении «экзот» – элементов средневекового узбекского зодчества, «запоминающихся яркой, затейливой изобразительностью» [14, с. 18], – отмечает И.И. Ноткин, один из ярких архитектурных критиков советского Узбекистана. «Романтизация» [15, с. 24] «современной архитектуры» происходила через наделение ее архитектурно-художественных решений ярким «историческим» звучанием – использованием «традиционных объемно-пространственных композиций» и «древних форм – купола бань, крытого рынка – “токи”, минареты, мечети...» [16, с. 34]. Таким образом, «современная архитектура» буквально принимала на себя внешние формы исторического зодчества, скрывая свою «современность» в использовании «передовых и экономичных» технологий при проектировании и строительстве «современных» сооружений.

Формированию данной тенденции безусловно способствовало регулярное обсуждение на страницах журнала вопросов реконструкции архитектурного наследия и «нового строительства» [17, с. 18–19] в исторических городах Узбекистана. Впоследствии в 1975 г. в журнале появится постоянная рубрика «История архитектуры и охрана памятников культуры», в рамках которой исследователи (например, Г. А. Пугаченкова) будут в том числе публиковать материалы по «расшифровке» принципов проектирования архитектурных памятников «прошлого» в Узбекистане.

Несмотря на актуализацию архитектурного наследия Узбекской ССР, в журнале появляется череда высказываний, негативно трактующих тенденцию «архаизации» архитектуры советского Узбекистана. По мнению ряда критиков, «современную архитектуру», скрытую за традиционалистскими фасадами, необходимо было вернуть на путь прогресса и встроить ее в общесоветскую систему, продолжающую в своих архитектурных проектах артикулировать принципы визуальной сдержанности. Так, например, несмотря на практически полное отсутствие критических высказываний касательно конкретных архитектурных сооружений, здание кафе «Голубые купола» (рис. 3) заслужило множество негативных комментариев со стороны критиков за «надуманность» архитектурных решений, ошибочность использования «экзотичных форм», отсутствие связи декоративных элементов с «железобетонными конструкциями» сооружения [16, с. 34; 18, с. 32]. Подобного осуждения немного позже также заслужила баня-хаммам в Октябрьском районе [19, с. 9]. Несмотря на это, многие архитектурные проекты в регионах советского Узбекистана сохраняли свою «яркость», историческое звучание и оставались там крайне актуальными до конца существования советской архитектурной практики.

Важно отметить, что для 1970-х гг. идеологическая связь между «современной» и «национальной» архитектурой в советском Узбекистане должна была сохраняться. Уточнения требовал непосредственно сам подход по конструированию «современной национальной архитектуры» для избегания ее «предельной этнографичности». Так, ключевым в данный период становится тезис о необходимости выявления «причинных основ» традиционного зодчества и отказ «от некритического повторения каких-то конкретных форм» [20, с. 5], не отвечающих «идее интернационализма» [21, с. 15]. «Причинные основы», по мнению проектировщиков и исследователей архитектуры, зиждились на использовании при проектировании «контрастных вертикалей городских ориентиров; многообразии стандартизированного декора; контрасте освещенных и затененных поверхностей и пространств; графичных рисунков теней; силуэтов воспринима-

Рис. 3. Кафе «Голубые купола». Арх. В. Муратов. 1970. Ташкент, Узбекистан. Фото из личного архива автор исследования

емых на просвет форм и ажурных деталей – колоннад, аркад, решеток-панджара» [15, с. 24]. Правдивость «современной архитектуры» также должна была достигаться за счет «гармонии и пластики форм» [22, с. 28], «рациональности при проектировании» [23, с. 21], «взаимодействии масс и объемов», «целостности и сочетаемости», характерных, по мнению И. И. Ноткина, для исторической архитектуры Узбекистана [24, с. 28]. Значимой реминисценцией для «современной архитектуры» являлось «народное зодчество», выдвинутое в качестве идеала «рационального» начала в архитектуре [25, с. 28–29].

Вместе с тем именно в 1970-е гг. на страницах журнала начинается обсуждение иной траектории развития «современной архитектуры», связанной с конструированием нового подхода к формообразованию в архитектурно-художественной практике Узбекистана. Основанием для его зарождения становится историческая застройка древних городов – Самарканда, Бухары, Хивы. В рамках данной интенции предполагалось, что фокус внимания архитекторов должен был быть сосредоточен на экспериментальном выявлении «внутренней структуры» национального зодчества [26, с. 31] в противовес к ранее используемому подходу по цитированию элементов исторической архитектуры. Выразительным примером для разрабатываемого принципа формообразования послужила «пространственно-планировочная» структура застройки исторических городов, насыщенная «атмосферой компактности и живописной лабиринтности жилой среды» [27, с. 19]. Архитекторы увидели в «пульсации» архитектурной среды богатство пластики и «живую игру объемов» [28, с. 23], возникновение которых, по их мнению, безусловно было определено их функциональной составляющей.

Однако реализовать данные экспериментальные решения в Узбекской ССР практически не удалось, в том числе из-за того, что большинство проектов разрабатывались для регионов Узбекистана (Бухара, Нукус, Самарканд, Хива). Наиболее удачным и практически единственным сооружением, построенным в рамках рассматриваемого «архитектурного эксперимента», стал Административно-общественный центр в Хиве [29, с. 6–7] (рис. 4), сконструированный на основе использования «ячеистых объемно-пространственных структур» [30, с. 21]. Однако в

большей степени новый взгляд на архитектуру был представлен в эскизах. На примере проекта туристского комплекса в Бухаре можно рассмотреть, как узбекистанские проектировщики мыслили «обновление» архитектуры. Так, в разрабатываемом композиционном решении здания особое значение имеет его «уверенное» горизонтальное размещение в пространстве, схожее с тем, как устроена застройка исторических городов. Усиливает «национальное» звучание данного проекта «тактичное» переосмысление архитектурных элементов (арок, куполов, террас-айванов, монолитных – непроницаемых стен и т. д.), избавленных от «простейшего» традиционного исполнения. По мнению В.Е. Кима, архитектурные решения данного проекта могут свидетельствовать о «переложении на язык современной архитектуры пространственных качеств национального зодчества» [30, с. 18].

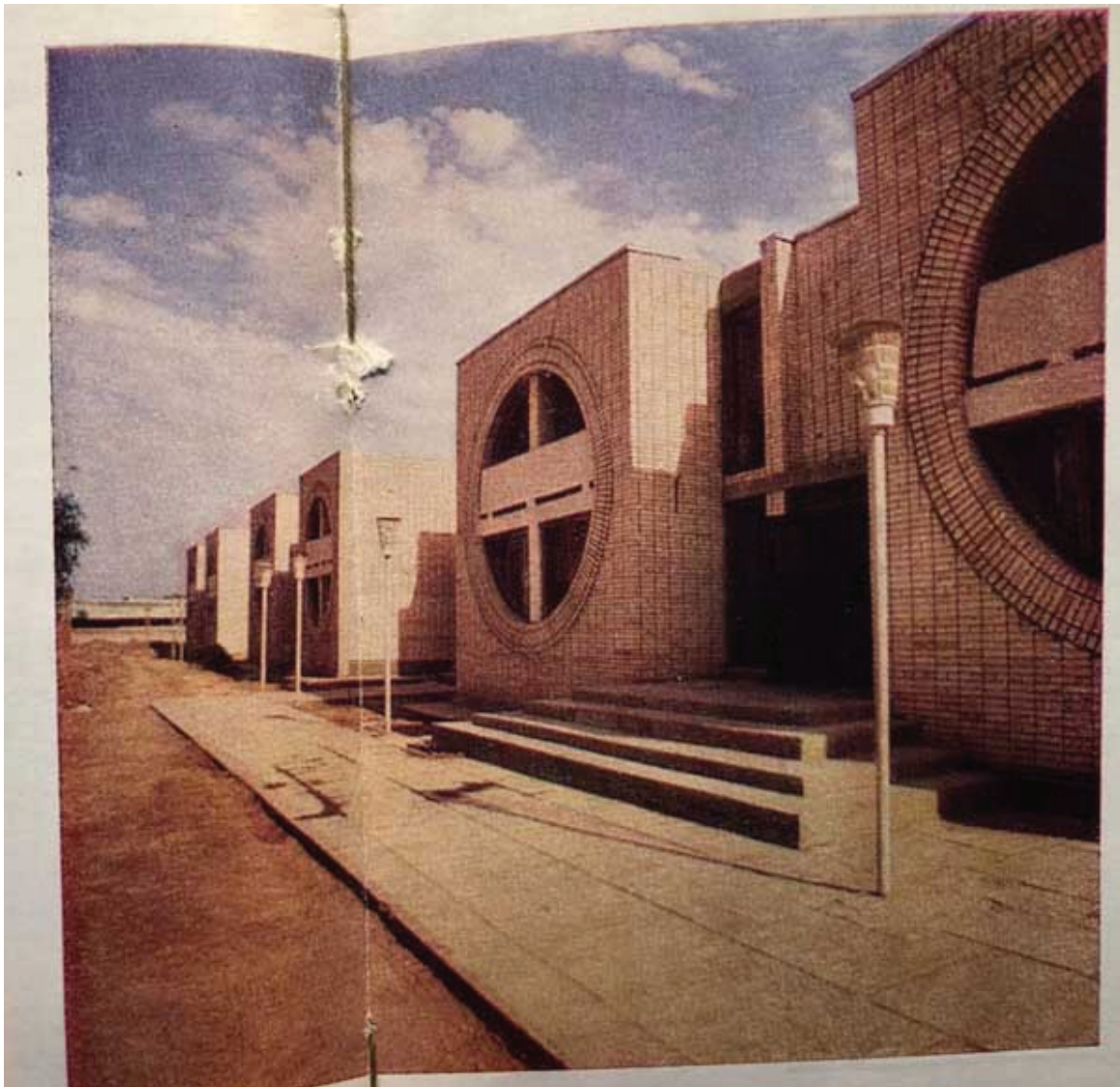

Рис. 4. Административно-общественный центр в Хиве. Арх. С. Сутягин. 1983. Хива, Узбекистан. Источник: «Архитектура и строительство Узбекистана». – 1983. – № 10 (РГБ)

При этом важно отметить, что архитектурные черты «нового подхода» не были сформулированы и отображены на страницах журнала, что затрудняет сегодня его непосредственную интерпретацию в качестве самостоятельного явления при изучении архитектуры Узбекистана позднего СССР. Данные поиски сохраняли для узбекистанских проектировщиков свою актуальность и в 1-й половине 1980-х гг. Спорным в данном случае будет и вопрос о формировании

в Узбекистане постмодернистских архитектурных течений в связи с явным зарождением в рассматриваемой архитектурно-художественной практике концепции «историзма».

К середине 1980-х г. в среде узбекистанских архитекторов произошла переоценка общесоюзной архитектурной практики, выразившаяся в критике определенных в политических «центрах» СССР траекторий развития. Начавшаяся в 1985 г. перестройка создала условия для свободной дискуссии среди советских проектировщиков и архитектороведов, включая возможность обсуждения начавшегося процесса «высвобождения» архитектуры от тотального контроля и политического влияния. Это нашло отражение в появлении на страницах журнала первых работ, посвященных критическому осмыслению архитектурной практики предшествующих десятилетий.

Ярким примером нарастающего скептицизма по отношению к ранее избранному пути становится иное отношение к архитектурному ансамблю площади им. В.И. Ленина в Ташкенте, который ранее рассматривался в качестве удачного примера интерпретации «причинных основ» исторического зодчества Узбекистана – «...результата смелого творческого эксперимента в новых градостроительных условиях...» [31, с. 4]. Однако уже во 2-й половине 1980-х гг. архитектор Р. Блэзе пишет о том, что «в практике застройки Ташкента отрицательным примером может служить решение площади им. Ленина с качеством архитектуры “под Неймера” в интерпретации московских архитекторов, где им не удалось увязать огромное пространство площади с высотными параметрами зданий...» [32, с. 4]. Показателен в данном высказывании отказ от обязательной интеграции дискурса «национального» в «современные» архитектурные проекты. Ключевым аргументом при «разоблачении» данной связи «современного» и «национального» послужил тезис о стремлении «руководства республики» реализовать свои «устремления или амбиции ...приукрасить феодально-патриархальное прошлое, примирить ДЕМОКРАТИЧЕСКОЕ и РЕАКЦИОННОЕ...» [18, с. 30], – актуализирует Б. Чухович. В свою очередь, Ш. Аскарлов, поддерживая критический взгляд на архитектуру 1960–1970-х гг., указывал на необходимость выявления связи между средневековым исламским зодчеством Центральной Азии и «современной архитектурой» без проявления «ксенофобии» [33, с. 26]. Особо внимания, по мнению узбекистанского проектировщика, в данном контексте заслуживал градостроительный опыт мусульманских стран [34, с. 30].

Такого рода стигматизация архитектурной практики 1960–1970-х гг. не устранила найденные в тот период архитектурно-художественные решения. Так, построенный по проекту 1970-х гг. и открытый только в 1993 г., Дворец Туркестан (рис. 5) был наделен значительным количеством архитектурных элементов «национального зодчества» без изменения его модернистской композиции. Например, фасад дворца артикулирован нишами, напоминающими по своему исполнению соты «мукарнас» из исламской архитектуры (их во многом декоративное использование в архитектуре характерно для темуридского зодчества), а резьба по ганчу в связке с традиционной орнаментикой буквально покрывает практически каждый декоративный и конструктивный элемент сооружения.

Архитектурные проекты узбекистанских проектировщиков конца 1980-х гг., ориентированные на устранение «национального» контекста, демонстрировали тенденцию к функциональной абстракции. Их объемно-пространственная экспрессия достигалась за счет создания громоздких по своей выразительности ступенчатых архитектурных форм, наполненных нагромождением технических конструктивных элементов (лестниц, пандусов, эскалаторов и т. п.). Примером нового видения «современной архитектуры» может послужить эскиз застройки Ташкентского района Караташ [35] (рис. 6).

Последним реализованным проектом в советском Узбекистане, получившим исключительно положительные отзывы критиков, стал Научно-производственный металлургический гелиокомплекс «Солнце» (рис. 7). Для узбекистанских архитекторов гелиокомплекс олицетворял «дух ...космической эпохи» – масштабности человеческой мысли, и своими архитектурными решениями, включая грамотное сочетание производственной функции и архитектурно-художественного исполнения, формировал концептуальные основания для советской архитектуры XXI в. [36, с. 18].

Рис. 5. Дворец Туркестан. Арх.: Ю. Халдеев, Р. Хайрутдинов, М. Неклюдова. 1993. Ташкент, Узбекистан. Фото из личного архива автор исследования

Рис. 6. Эскиз застройки массива Караташ. Предложение ТашНИИПИгенплана. Источник: «Архитектура и строительство Узбекистана». – 1987. – № 3 (РГБ)

Рис. 7. Научно-производственный металлургический гелиокомплекс «Солнце». Арх. В. Захаров, И. Липене, Е. Макеев и др. 1987. Посёлок Чангхисарак, Ташкентская обл., Узбекистан. Источник: «Архитектура и строительство Узбекистана». – 1988. – № 1

Сформированный в конце 1980-х гг. ракурс архитектурно-художественных поисков в Узбекской ССР непосредственно повлияет на отношение к архитектурному наследию данной эпохи в уже независимом Узбекистане. Усиливает обозначенный подход сформулированный Б. Чуховичем дискурс рассмотрения «советской архитектуры Узбекистана» через призму постколониальных исследований. Несмотря на это, архитекторы независимой республики в начале XXI в. продолжали мыслить конструирование «современной архитектуры» через выявление в ее композиционных чертах «национальной» выразительности, обращаясь, прежде всего, к архитектурному наследию Самарканда. Примером данной интенции может послужить проект здания Государственного музея истории Тимуридов в Ташкенте.

Подводя итоги данного исследования, необходимо отметить, что непосредственно сам факт многолетнего обсуждения вопросов становления и развития «современной архитектуры» в советском Узбекистане повлиял на формирование уникальной для всего постсоветского пространства архитектурно-художественной практики. Благодаря изучению опубликованных на страницах журнала материалов мы можем отметить ключевые этапы развития архитектурной мысли: от попыток интеграции в архитектурный проект стран Глобального Юга до отказа от советской архитектурной идеологии и формирования актуальных по сегодняшний день принципов и траекторий развития. Необходимо также отметить, что многие проектные решения, представленные на страницах журнала, так и не были воплощены. Из объективных причин в данном случае можно отметить недостаток финансирования, определивший, например, десятилетнее строительство множества гражданских сооружений, и несовершенство строительной сферы. Однако более интересными остаются сегодня субъективные факторы – решения и предпочтения политических деятелей советского Узбекистана, острые противоречия внутри архитектурного сообщества, не выявляемые и не обсуждаемые на страницах журнала. Их изучение может стать продолжением рассмотренной в представленной работе проблематики.

Примечания

¹ С 1961 по 1983 гг. журнал назывался «Строительство и архитектура Узбекистана».

² В данном случае речь идет о требовании Ш.Р. Рашидова – Первого секретаря Центрального комитета Коммунистической партии Узбекистана – о наделении гражданских зданий республики «национальным» звучанием.

³ Завкафедрой архитектурного проектирования общественных зданий и интерьеров ТашПИ.

⁴ Наличие дискурса о допустимости размышлений о создании «заповедных зон» станет одним из ключевых «доказательств» для использования постколониальной теории Б. Чуховичем.

Библиография

- Кадырова, Т.Ф. Пропагандист достижений в строительстве и архитектуре Узбекистана / Т.Ф. Кадырова // Строительство и архитектура Узбекистана. – 1981. – № 1. – С. 1–4.
- Ремпель, Л.И. Сущность новой архитектуры Ташкента / Л.И. Ремпель // Строительство и архитектура Узбекистана. – 1972. – № 3. – С. 29–30.
- Булатов, М.С. К вопросу об ансамбле новой площади Ленина в Ташкенте / М.С. Булатов // Строительство и архитектура Узбекистана. – 1974. – № 9. – С. 18–20.
- Сутягин, С.М. Чайхана по улице Самарканд Дзарба / С.М. Сутягин // Строительство и архитектура Узбекистана. – 1968. – № 12. – С. 1.
- Мерпорт, И.А. К вопросу о преемственности в архитектуре / И.А. Мерпорт // Строительство и архитектура Узбекистана. – 1969. – № 3. – С. 18–20.
- Бабаханов, А.Б. Новая ступень в подготовке зодчих Узбекистана / А.Б. Бабаханов // Строительство и архитектура Узбекистана. – 1969. – № 6. – С. 23–29.
- Гайнулин, Э. 17-этажная гостиница «Интурист» на 750 мест в Ташкенте Э. Гайнулин // Строительство и архитектура Узбекистана. – 1967. – № 7. – С. 21–24.
- Азимов, А. Школа-колледж «Набариан» в Каире / А. Азимов // Строительство и архитектура Узбекистана. – 1967. – № 8. – С. 50–51.
- Азимов, А. Здание Каирского радио- и телецентра / А. Азимов // Строительство и архитектура Узбекистана. – 1969. – № 7. – С. 42–44.
- Воронина, В.Л. Строительство высших учебных заведений в странах тропической Африки / В.Л. Воронина // Строительство и архитектура Узбекистана. – 1973. № 5. – С. 28–31.
- Салимов, А.М. Опыт приспособления и использования памятников архитектуры при реконструкции исторических зон / А.М. Салимов // Строительство и архитектура Узбекистана. – 1978. – № 12. – С. 33–34.
- Рушковский, О.А., Адамов, Л.Т. Проблемы реконструкции центра города / О.А. Рушковский, Л.Т. Адамов // Строительство и архитектура Узбекистана. – 1969. – № 1. – С. 19–25.
- Фахрутдинова, И.А., Ефимов, Д.Д. Средовой подход в региональной архитектуре советского модернизма 1970–1980 гг. в проектировании выставочного зала союза художников ТАССР в г. Казани, архитекторы: Г.А. Бакулин (руководитель авторского коллектива), Р.Х. Галеев, В. П. Мулюкин / И.А. Фахрутдинова, Д.Д. Ефимов // Изв. Казан. гос. арх.-строит. ун-та. – 2017. – № 4 (42). – С. 59–67.
- Ноткин, И.И. О творческой направленности в проектировании интерьеров общественных зданий / И.И. Ноткин // Строительство и архитектура Узбекистана. – 1970. – № 1. – С. 18–25.
- Булатов, М.С., Маньковская, Л.Ю. Проблемы освоения архитектурного наследия в Узбекистане / М.С. Булатов, Л.Ю. Маньковская // Строительство и архитектура Узбекистана. – 1973. – № 7. – С. 22–28.
- Манакова, В.Н. Архитектура кафе «Голубые купола» и чайханы на бульваре имени В.И. Ленина / В.Н. Манакова // Строительство и архитектура Узбекистана. – 1971 – № 7. – С. 33–35.

17. Косинский, А.С. Бухара. Новое строительство в древнем центре / А.С. Косинский // Строительство и архитектура Узбекистана. – 1971. – № 2. – С. 18–27.
18. Чухович, Б. За «восточными мотивами» / Б. Чухович // Архитектура и строительство Узбекистана. – 1988. – № 10. – С. 30–32.
19. Ноткин, И.И., Аскарлов, Ш.Д. О качестве архитектуры / И.И. Ноткин, Ш.Д. Аскарлов // Строительство и архитектура Узбекистана. – 1981. – № 4. – С. 7–9.
20. Иконников, А.В. Заметки о проблемах реконструкции исторических городов Узбекистана / А.В. Иконников // Строительство и архитектура Узбекистана. – 1972. – № 7. – С. 1–7.
21. Кадырова, Т.Ф. Пути развития архитектуры Советского Узбекистана / Т.Ф. Кадырова // Строительство и архитектура Узбекистана. – 1972. – № 12. – С. 5–15.
22. Косинский, А.С. Поиск образа магистрали / А.С. Косинский // Строительство и архитектура Узбекистана. – 1974. – № 3. – С. 25–31.
23. Розенблюм, С.А., Шахназарова, И.А. Приквартирные дворики в многоэтажном жилище / С.А. Розенблюм, И.А. Шахназарова // Строительство и архитектура Узбекистана. – 1973. – № 1. – С. 21–25.
24. Ноткин, И.И. К 50-летию образования Узбекской ССР. Усто Ширин / И.И. Ноткин // Строительство и архитектура Узбекистана. – 1972. – № 3. – С. 25–29.
25. Кадырова, Т.Ф., Тохтаходжаева, М.С. К проблеме организации каждодневного отдыха городского населения Узбекистана / Т.Ф. Кадырова, М.С. Тохтаходжаева // Строительство и архитектура Узбекистана. – 1974. – № 4. – С. 25–30.
26. Коробовцев, Г.И. Путь решения проблемы в ее преемственном развитии / Г.И. Коробовцев // Строительство и архитектура Узбекистана. – 1982. – № 3. – С. 18–22.
27. Ноткин, И.И. Пространственно-планировочная организация малоэтажной жилой застройки в зонах реконструкции Самарканда / И.И. Ноткин // Строительство и архитектура Узбекистана. – 1974. – № 11. – С. 18–24.
28. Закирова, Ю.К., Аюпджанян В.А. Сказка, подаренная детям / Ю.К. Закирова, В.А. Аюпджанян // Строительство и архитектура Узбекистана. – 1980. – № 2. – С. 18–24.
29. Наша анкета // Архитектура и строительство Узбекистана. – 1986. – № 2–3. – С. 6–7.
30. Ким, В.Е. На пути в завтра (дипломное проектирование и проблема национального своеобразия архитектуры) / В.Е. Ким // Архитектура и строительство Узбекистана. – 1985. – № 5. – С. 30–33.
31. Азимов, А. Новые черты композиционно-пространственных приемов в архитектуре центра Ташкента / А. Азимов // Строительство и архитектура Узбекистана. – 1974. – № 7. – С. 3–7.
32. Блезэ, Р. Наш город / Р. Блезэ // Архитектура и строительство Узбекистана. – 1987. – № 9. – С. 4–5.
33. Аскарлов, Ш. Меж административной директивой и творческой синусоидой / Ш. Аскарлов // Строительство и архитектура Узбекистана. – 1989. – № 6. – С. 26–28.
34. Аскарлов, Ш. В союзе архитекторов Узбекистана / Ш. Аскарлов // Строительство и архитектура Узбекистана. – 1989. – № 6. – С. 30–33.
35. Хайрутдинов, Р.А. Эскиз застройки района Караташ / Р.А. Хайрутдинов // Архитектура и строительство Узбекистана. – 1987. – № 3. – С. 16–23.
36. Захаров, В.В., Липене, И.Ю. Научно-производственный металлургический гелиокомплекс «Солнце» / В.В. Захаров, И.Ю. Липене // Архитектура и строительство Узбекистана. – 1988. – № 1. – С. 15–24.
37. Бабаханов, А.Б. Новые типы кинотеатров для условий Средней Азии / А.Б. Бабаханов // Строительство и архитектура Узбекистана. – 1969. – № 10. – С. 24–27.
38. Шаякубов, Ш.К., Немцович, С.Д. Современная архитектура и декоративность / Ш.К. Шаякубов, С.Д. Немцович // Строительство и архитектура Узбекистана. – 1972. – № 3. – С. 30–32.

References

1. Kadyrova, T.F. (1981). The champion of achievements in the construction and architecture of Uzbekistan. *Stroitel'stvo i arhitektura Uzbekistana*, 1, pp. 1–4. (in Russian)
2. Rempel, L.I. (1972). The essence of the new architecture of Tashkent. *Stroitel'stvo i arhitektura Uzbekistana*, 3, pp. 29–30. (in Russian)
3. Bulatov, M.S. (1974). Towards the issue of the ensemble of the new Lenin Square in Tashkent. *Stroitel'stvo i arhitektura Uzbekistana*, 9, pp. 18–20. (in Russian)
4. Sutyagin, S.M. (1968). Chaikhana in Samarkand Dzarba street. *Stroitel'stvo i arhitektura Uzbekistana*, 12, p. 1. (in Russian)
5. Merport, I.A. (1969). On continuity in architecture. *Stroitel'stvo i arhitektura Uzbekistana*, 3, pp. 18–20. (in Russian)
6. Babahanov, A.B. (1969) A new step in the training of architects in Uzbekistan. *Stroitel'stvo i arhitektura Uzbekistana*, 6, pp. 23–29. (in Russian)
7. Gajnulin, E. (1967). 17-storey hotel «Intourist» for 750 guests in Tashkent. *Stroitel'stvo i arhitektura Uzbekistana*, 7, pp. 21–24. (in Russian)
8. Azimov, A. (1967). The «Nabarian» school in Cairo. *Stroitel'stvo i arhitektura Uzbekistana*, 8, pp. 50–51. (in Russian)
9. Azimov, A. (1969). The building of the Cairo radio-and-TV centre. *Stroitel'stvo i arhitektura Uzbekistana*, 7, pp. 42–44. (in Russian)
10. Voronina, V.L. (1973). Construction of higher education institutions in the countries of tropical Africa. *Stroitel'stvo i arhitektura Uzbekistana*, 5, pp. 28–31. (in Russian)
11. Salimov, A.M. (1978). An experience in the adaptation and re-use of architectural heritage in the reconstruction of historical areas. *Stroitel'stvo i arhitektura Uzbekistana*, 12, pp. 33–34. (in Russian)
12. Rushkovskij, O.A., Adamov, L.T. (1969). Issues in the reconstruction of central areas in cities. *Stroitel'stvo i arhitektura Uzbekistana*, 1, pp. 19–25. (in Russian)
13. Fahrutdinova, I.A., Efimov, D.D. (2017). Environmental approach in regional architecture of Soviet Modernism of the 1970-1980s in the design of the exhibition hall of the Tatar Union of Artists in the city of Kazan by architects G.A. Bakulin (project team leader), R.H. Galeev and V. P. Mulyukin. *Bulletin of Kazan State University of Architecture and Engineering*, 4(42), pp. 59–67. (in Russian)
14. Notkin, I.I. (1970). On creative direction in the design of public building interiors. *Stroitel'stvo i arhitektura Uzbekistana*, 1, pp. 18–25. (in Russian)
15. Bulatov, M.S., Mankovskaya, L.Yu. (1973). Issues in architectural heritage management in Uzbekistan. *Stroitel'stvo i arhitektura Uzbekistana*, 7, pp. 22–28. (in Russian)
16. Manakova, V.N. (1971). The architecture of the cafe «Golubye kupola» and chaikhana in Lenin Boulevard. *Stroitel'stvo i arhitektura Uzbekistana*, 7, pp. 33–35. (in Russian)
17. Kosinskij, A.S. (1971). Buhara. New construction in the ancient center. *Stroitel'stvo i arhitektura Uzbekistana*, 2, pp. 18–27. (in Russian)
18. Chukhovich, B. (1988). After «oriental motifs». *Arhitektura i stroitel'stvo Uzbekistana*, 10, pp. 30–32. (in Russian)
19. Notkin, I.I., Askarov, Sh.D. (1981). On the quality of architecture. *Stroitel'stvo i arhitektura Uzbekistana*, 4, pp. 7–9. (in Russian)
20. Ikonnikov, A.V. (1972). Notes on issues in the reconstruction of historical cities in Uzbekistan. *Stroitel'stvo i arhitektura Uzbekistana*, 7, pp. 1–7. (in Russian)
21. Kadyrova, T.F. (1972). Ways of development of Soviet Uzbekistan's architecture. *Stroitel'stvo i arhitektura Uzbekistana*, 12, pp. 5–15. (in Russian)

22. Kosinskij, A.S. (1974). Search for the image of the thoroughfare. *Stroitel'stvo i arhitektura Uzbekistana*, 3, pp. 25–31. (in Russian)
23. Rozenblyum, S.A., Shahnazarova, I.A. (1973). Apartment yards in a multi-storied residential building. *Stroitel'stvo i arhitektura Uzbekistana*, 1, pp. 21–25. (in Russian)
24. Notkin, I.I. (1972). Towards the 50th anniversary of Uzbek SSR. Usto Shirin. *Stroitel'stvo i arhitektura Uzbekistana*, 3, pp. 25–29. (in Russian)
25. Kadyrova, T.F., Tohtahodzhaeva, M.S. (1974). On organization of daily leisure time for urban residents of Uzbekistan. *Stroitel'stvo i arhitektura Uzbekistana*, 4, pp. 25–30. (in Russian)
26. Korobovtsev, G.I. (1982). Resolution of a problem in its continuous development. *Stroitel'stvo i arhitektura Uzbekistana*, 3, pp. 18–22. (in Russian)
27. Notkin, I.I. (1974). Spatial arrangement of low-rise built-up areas in the reconstruction areas of Samarkand. *Stroitel'stvo i arhitektura Uzbekistana*, 11, pp. 18–24. (in Russian)
28. Zakirova, Yu.K., Akopdzhanyan, V. A. (1980). A fairy tale granted to children. *Stroitel'stvo i arhitektura Uzbekistana*, 2, pp. 18–24. (in Russian)
29. Our questionnaire (1986). *Arhitektura i stroitel'stvo Uzbekistana*, 2–3, pp. 6–7. (in Russian)
30. Kim, V.E. (1985). On the way towards tomorrow (graduate design projects and national identity of architecture). *Arhitektura i stroitel'stvo Uzbekistana*, 5, pp. 30–33. (in Russian)
31. Azimov, A. (1974). New traits in the composition treatment and spatial techniques in the architecture of central Tashkent. *Stroitel'stvo i arhitektura Uzbekistana*, 7, pp. 3–7. (in Russian)
32. Bleze, R. (1987). Out city. *Arhitektura i stroitel'stvo Uzbekistana*, 9, pp. 4–5. (in Russian)
33. Askarov, Sh. (1989). Between the administrative directive and creative sine wave. *Arhitektura i stroitel'stvo Uzbekistana*, 6, pp. 26–28. (in Russian)
34. Askarov, Sh. (1989). In the Union of Architects of Uzbekistan. *Arhitektura i stroitel'stvo Uzbekistana*, 6, pp. 30–33. (in Russian)
35. Hajrutdinov, R.A. (1987). A planning sketch for Karatash district. *Arhitektura i stroitel'stvo Uzbekistana*, 3, pp. 16–23. (in Russian)
36. Zakharov, V.V., Lipene, I.Yu. (1988). The research and production metallurgical heliocomplex «Solnce». 1, pp. 15–24. (in Russian)
37. Babahanov, A.B. (1969). New types of cinema for the conditions of Central Asia. *Stroitel'stvo i arhitektura Uzbekistana*, 10, pp. 24–27. (in Russian)
38. Shayakubov, Sh.K., Nemtsovich, S.D. (1972) Modern architecture and decorativity. *Stroitel'stvo i arhitektura Uzbekistana*, 3, pp. 30–32. (in Russian)

Ссылка для цитирования статьи.

Поляков Г.М. Дискуссии о «современной архитектуре» на страницах журнала «Архитектура и строительство Узбекистана»: эволюция трактовок и интерпретаций / Г.М. Поляков // *Архитектон: известия вузов*. – 2025. – №2(90). – URL: http://archvuz.ru/2025_2/8/ – DOI: [https://doi.org/10.47055/19904126_2025_2\(90\)_8](https://doi.org/10.47055/19904126_2025_2(90)_8)

© Поляков Г.М., 2025

Лицензия Creative Commons

Это произведение доступно по лицензии Creative Commons «Attribution-ShareAlike» («Атрибуция - на тех же условиях»).
4.0 Всемирная

Дата поступления: 14.03.2025